Глава 1

ОСНОВАНИЕ ПЕТЕРБУРГА

Земли Господина Великого Новгорода, или Незабвенная «государева потерька»

Земли, на которых расположился современный Санкт-Петербург и его пригороды, люди заселяли с древнейших времен. Стоянка каменного века была обнаружена археологами в Разливе. Но о самом Петербурге можно сказать, что он — молодой город на молодой реке. Еще четыре тысячи лет тому назад, во времена расцвета великих цивилизаций Древнего Востока, никакой Невы не существовало, а огромное пространство от Ладоги до современной Балтики занимало ледниковое Древнебалтийское море. Затем произошли стремительные по меркам геологической истории перемены. Более четырех тысяч лет тому назад начался подъем суши, Ладога из залива Древнебалтийского моря превратилась в замкнутое озеро, которое переполнилось и хлынуло через водораздел, отделявший его от моря.[1] Так около 2—2,5 тыс. лет тому назад образовалась река Нева, но ее дельта продолжает формироваться и до сих пор: количество островов в дельте менялось (в начале XIX в. их было больше сотни, теперь — около 40), река Смоленка была глухая (в середине XVIII в. ее так и называли — Глухая речка) и текла по Васильевскому острову в другую сторону, впадая не в залив, как сейчас, а в Малую Неву.[2]

На землях в устье Невы с древнейших времен обитали угро-финские племена водь и ижора, давшие впоследствии имя Ижорской земле, которая вместе с землями води до XI в. входила в Водскую пятину Великого Новгорода. Постепенно сюда начали проникать русские поселенцы. Со временем устье Невы стало объектом упорной борьбы Великого Новгорода (позже России) и Швеции за обладание приневскими землями. Порой эта борьба становилась особенно острой и непримиримой. Так, в 1240 г. в устье реки Ижоры произошло знаменитое сражение новгородского князя Александра Ярославича со шведским отрядом, высадившимся на берегу Невы. Приневские земли вошли в состав Русского государства после присоединения к нему в 1478 г. Великого Новгорода, и к началу XVII в. здесь

---

[1] *Нежиховский Р.А.* Река Нева и Невская губа. Л., 1981. С. 24.

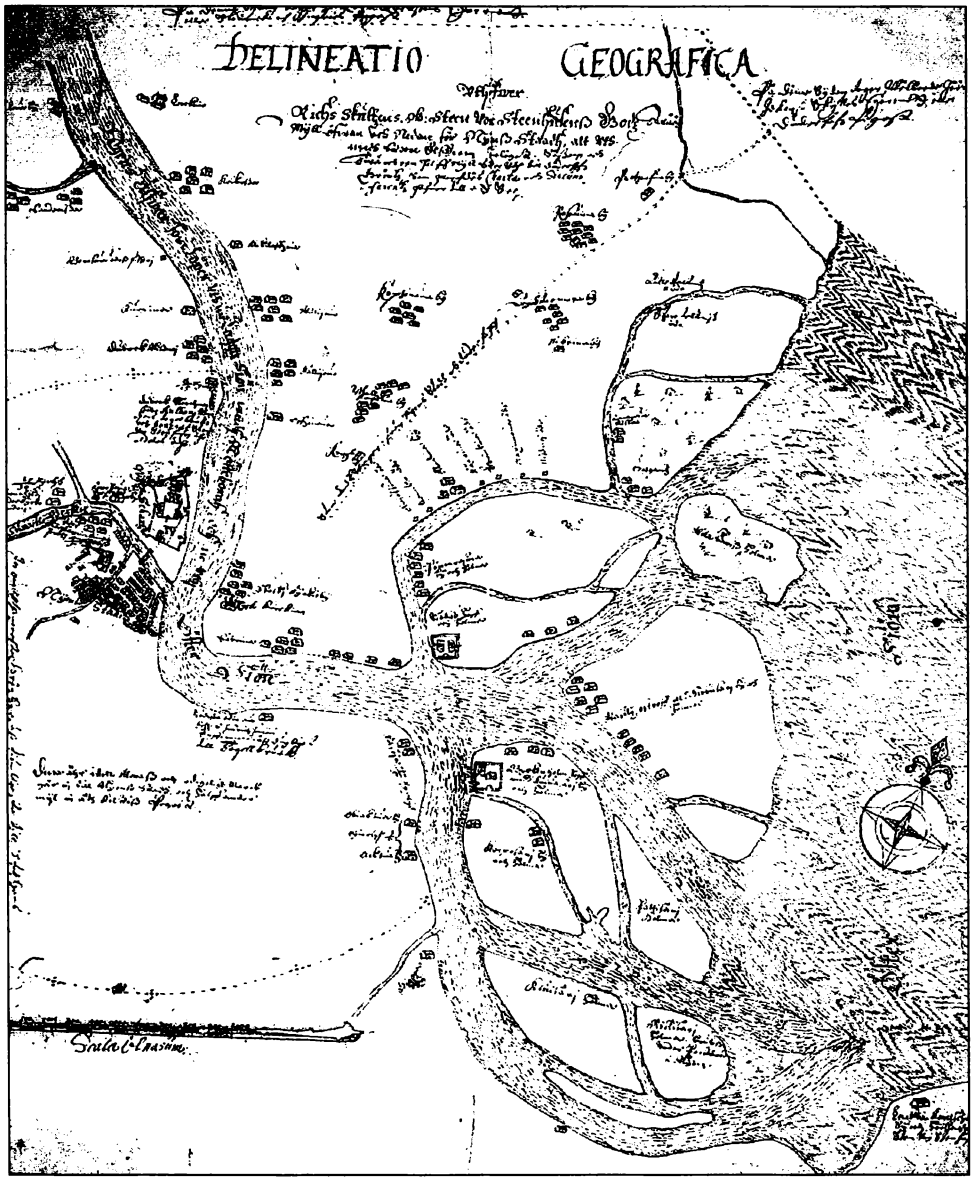
[2] *Немиров Г.А.* Петербургская биржа при Петре Великом. СПб., 1888. С. 25.

было четыре уезда: Ореховский (центр — крепость Орешек), Копорский (Копорье), Ямской (Ям) и Ивангородский (Иван-город). На современной территории Санкт-Петербурга находились Ижорский и Спасский погосты Ореховского уезда. В начале XVI в. общая численность населения Ижорского погоста составляла всего около 6 тыс. человек при плотности населения 2,5—3 человека на квадратный километр.[3] Малонаселенным был и Спасский погост.

После Смуты конца XVI—начала XVII в. обессиленная борьбой с внешними врагами и внутренними распрями Россия лишилась Водской и Ижорской земель. По условиям Столбовского мира 1617 г. со шведами, захватившими к тому времени Великий Новгород, эти земли отошли к Швеции и стали называться «Ингерманландией», или «Ингрией». В России же за ними закрепилось название «Ижорская земля». Название «Водская земля» исчезло из употребления.[4] Мысль о возвращении Ижорской земли — «отчин и дедин» — никогда не покидала правящие верхи Московского государства. Из-за этих земель Россия вела войну со Швецией в середине XVII в., на всех переговорах со шведами русские дипломаты упорно добивались возвращения «государевой потеряки» — Ижорской земли. Несправедливые и вероломные с точки зрения России действия шведов при захвате этих земель не забывались — ведь в начале XVII в. отношения России со Швецией были дружественными и даже союзническими. Как известно, в 1609 г. правительство царя Василия Шуйского, изнемогавшее в борьбе с полчищами самозванца Лжедмитрия II и его польских союзников, заключило со шведским королем Карлом IX договор о военной помощи Швеции России. Король обязался послать в Россию корпус Якова Делагарди, а Шуйский обещал обеспечить войско Делагарди деньгами и отдать Швеции крепость Корелу (Кексгольм) с уездом. Поначалу все шло согласно заключенному договору. Корпус Делагарди соединился с войском молодого русского полководца Михаила Скопина-Шуйского. Вместе они выгнали войска самозванца Лжедмитрия II и поляков из нескольких городов, «сбили» польскую блокаду Троице-Сергиева монастыря и с триумфом вступили в Москву. Но вскоре дела пошли хуже. Неожиданно умер Скопин-Шуйский, русские власти медлили с передачей Корелы шведам, не выплачивали войску Делагарди обещанных денег. В результате шведы перешли на сторону самозванца. А затем, воспользовавшись вспыхнувшей с новой силой гражданской войной в России, шведы в 1611 г. неожиданно захватили Великий Новгород и его земли и стали подумывать о присвоении принцу Карлу Филиппу титула великого князя Новгородского, об отделении Великого Новгорода от России и о создании марионеточного русского государства.[5] Лишь после продолжительных и трудных переговоров правительству нового царя Михаила

---

[3] *Новожилов А. Г.* Южное Приневье в конце XV—начале XVI в. // ПЧ-96. С. 256.
[4] Аграрная история Северо-Запада России XVII века. Л., 1988. С. 185.
[5] *Коваленко Г. М.* Кандидат на престол. СПб., 1999. С. 60.



Дельта Невы. *1643*

Федоровича ценой уступки Ижорской земли удалось вернуть Великий Новгород в лоно России. Но о возвращении России всей Ижорской земли шведы и слышать не хотели. Ингерманландия со столицей в Нарве стала важнейшей заморской провинцией Шведского королевства.

Отступление

Не просто болото, а таежные, болотистые дебри

Местность, на которой впоследствии вырос Петербург, не была сплошь топким болотом с чахлой, убогой растительностью. Ботаники относят территорию, на которой построен Петербург, к южной подзоне таежной зоны, протянувшейся от Балтики до берегов Тихого океана, с характерными для нее многолетними могучими елями и соснами, с таежным буреломом, болотами и присущей им фауной. Биолог Т. К. Горышина пишет, что «леса вокруг новорожденной столицы, конечно, были очень мало похожи на те пригородные „парковые" леса, которые мы привыкли видеть вокруг больших городов; это были настоящие таежные дебри, дремучие и густые».[6] *Поэтому можно предположить, что самые первые здания и укрепления Петербурга возводились из леса, который в изобилии рос по берегам Невы. В «Журнале, или Поденной записке» Петра I есть запись о том, как 7 мая 1703 г. были взяты на абордаж два шведских судна «Астриль» и «Гедан», стоявшие на Невском взморье. Лодки с преображенцами прошли светлой ночью незаметно для шведов вдоль правого берега Невы, в тени густого леса, подступавшего к самой кромке воды там, где теперь находятся совершенно «лысая», с небольшим «чубчиком» Румянцевского сквера, Университетская набережная и набережная Лейтенанта Шмидта («...поплыли тихою греблею возле Васильевского острова* ***под стеною*** *онаго леса»).*[7] *Впрочем, таежный лес этот, стоявший стеной, довольно быстро вырубили, и уже через десять лет после основания Петербурга власти наказывали людей за каждую ветку, срезанную в городе. Не случайно одним из первых «антиквитетов» — памятных мест города — стали три высокие сосны, которые Петр предписывал охранять от порубки.*[8]

Однако вокруг города еще долго стояли густые леса. Датский путешественник П. фон Хавен, приплывший на корабле в Петербург в 1736 г., вспоминал: «Хотя местность вокруг него (Петербурга. — Е. А.*) ровная и город открыт, но край такой лесистый, что леса подобны плотной*

---

[6] *Горышина Т. К.* Растительный мир старого Петербурга // НА. Сб. 1. С. 289.

[7] Журнал, или Поденная записка... Петра Великого. СПб., 1770. Ч. 1. С. 17 (далее: Журнал). Здесь и далее подчеркнуто мной. — *Е. А.*

[8] *Богданов А. И.* Описание Санктпетербурга. СПб., 1997. С. 239—240.

стене», которая заслоняла город.[9] *Впрочем, итальянский путешественник Франческо Альгаротти видел с корабля, подплывшего к городу в 1739 г., что лес на подходе к Петербургу был «тихий и убогий» и состоял из «некоего вида тополей».*[10]